

УДК 94(47)“653”:930.2(045)

*А.В. Петров***О НЕКОТОРЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ НАУКИ О РУССКОЙ ДРЕВНОСТИ**

В статье затрагиваются важные методологические аспекты древнерусских исследований и даётся оценка некоторым новейшим сочинениям, причисляющим себя к историографии. Мемориальный характер конволюта, включающего данную статью, отчасти сообщает ей характер научного эссе. Но и анализируемый «историографический» текст в свою очередь, независимо от воли автора статьи, склонял его к «индивидуальной интонации».

Ключевые слова: историография, Древняя Русь, И.Я. Фроянов, Дюла Свак.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-1-23-32

В статьях, представляемых в мемориальные сборники, пусть даже подчёркивающих свою научно-аналитическую направленность, неизбежно будет присутствовать личная и сугубо индивидуальная интонация. Равно как не избежать субъективности в ряде оценок и суждений. Должно пройти время — слишком велики Фигура и Утрата...

В настоящей статье, включённой в состав материалов, посвящённых памяти Игоря Яковлевича Фроянова (1936–2020), я позволю себе коснуться четырёх различных моментов, свободно объединяемых методологическим стержнем науки о русской древности. О некоторых из них мне уже приходилось писать в другом ракурсе исследовательских задач и изложения. И я не хочу насильно парафразировать продуманные формулировки.

I.

Вначале я откликнусь на недавнюю публикацию в уважаемом мною периодическом издании УрФУ *Questo Rossica* (Т. 9. 2021. № 1 С. 23–54. DOI 10.15826/qr.2021.1.564).

Я имею в виду статью, написанную Дюла Сваком, под названием: «“Русскую историю должны писать русские, и зачем в это дело вмешиваются венгры?”: микроисториографический этюд».

Мой отклик, наверное, в большей мере затронет этическую сторону вопроса, но поскольку в нём пойдёт речь о том, как не следует писать научные статьи по историографии, и о том, что ни при каких обстоятельствах к науке отношения не имеет, данная реплика всецело находится и в рамках обсуждения методологии.

В упомянутой статье ярко повествуется о том, как несправедливо поступили с талантливым молодым человеком из Венгрии, Шандором Сили, подготовившим, на самом деле, прекрасную диссертацию о присоединении Сибири к Русскому государству. Тогда Фроянов «дал команду», а его «молодцы» разгромили «честное исследование». Разгромили не столько по научным, сколько по политическим причинам, борясь с пресловутой «русофобией», которой не существует. Они сами её выдумали и носятся с нею как с писанной торбой.

Имён Дюла Свак не называет.

А мне скрывать нечего!

Этот случай, прочитав его статью, я вспомнил, хотя и прошло почти 30 лет, случай был вызывающим...

Жалко, что у меня не сохранилось текста того обширного выступления на кафедре — он был написан в единственном экземпляре, от руки, с вкраплением машинописных страниц, и я, возможно, добавлял или исправлял что-либо во время самого устного выступления. Я его сам отдал Шандору по его настоятельной просьбе и, главное, по настоятельной просьбе Руслана Григорьевича Скрынникова, сказавшего, что это очень нужно Шандору для какого-то отчёта в Венгрии. Кстати, Шандор в личном общении оказался намного симпатичнее своей диссертации — интеллигентный, современный и милый парень. При этом я нарушил прямое распоряжение Игоря Яковлевича: «Не давать, это внутрикафедральный документ, это текст устного выступления на кафедре!», но я посчитал это для себя недопустимым — отзыв был честным и абсолютно искренним, я бы и сейчас на ту работу такой же написал...

Но, по порядку.

Я попал в неловкую ситуацию.

Мне дали как «внутреннему» (кафедральному) рецензенту читать данную диссертацию. Она мне сразу не понравилась — малодоказательный текст, написанный к тому же в самоуверенном категоричном тоне! (В этом отношении данная диссертация перекликается с нынешней статьёй Дюлы Свака). А Руслан Григорьевич названивал мне, торопил, пытался убедить меня, что работа хорошая. Мы все — дети «советской системы». Она, конечно, здорово поглумилась над русской интеллигенцией! В каких тенетах мы жили, всё контролировалось, нормально общаться с зарубежными друзьями было очень трудно... Руслана Григорьевича выделяли и приглашали венгерские коллеги, и он, как мягкий, деликатный и глубоко порядочный человек, чувствовал себя некоторым образом обязанным им. У меня с ним всегда были отличные отношения (он мне книги английские давал для канд. экзамена, а потом, уже когда мы с моим другом — однокурсником Игорем Тюменцевым взрослыми стали, вызвал нас к себе и разрешил забрать из его библиотеки понравившиеся книги, и мы с Игорьком лазали по стеллажам, а Мэтр мило старался держать лестницу, чтобы мы не упали; сразу на следующий день после выхода моей докторской монографии я её двум людям на дом доставил и лично в руки передал: Игорю Яковлевичу и Руслану Григорьевичу).

Итак, я волновался и медлил.

И тут позвонил Игорь Яковлевич, который ставил Руслана Григорьевича как учёного очень высоко, но и соперничал с ним, и спросил, звонил ли мне Скрынников по поводу диссертации Шандора? Я ответил правду, что очень переживаю — Руслан Григорьевич просит, а мне она ужасно не нравится! Игорь Яковлевич взвился: «Алексей, ни в коем случае не лукавьте и не приглаживайте, говорите, как есть!».

По поводу соперничества. Да, оно было, и младшему поколению (многим ученикам того и другого, кроме никчемных дураков) казалось глупым и совсем ненужным! Люблю их обоих! Они оба были Величинами, каких сейчас не сыщешь!

Ну вот, состоялось это заседание...

В статье приведены обширные выписки действительно из моего отзыва (определяю по памяти свои повороты речи), но есть там и другие выписки, и приводимые мнения, к каковым я отношения не имею. (Я всегда стараюсь соблюдать чувство меры. В частности, я бы никогда не мог сказать такую чушь, что русскую историю должны писать только русские! Ну, и прочее...) *А в статье всё свалено в одну кучу. В распоряжении авторов был только мой текст, данный им мною добровольно, но ведь аутентичность цитат из него я сейчас удостоверить не могу!* Кроме того, в статье фигурируют текстовые фрагменты неясного происхождения. Она изобилует ссылками на слухи и сплетни (на «рассказы о массе “интересных” историй»), на неизвестно где хранящиеся частные письма. Обсуждается всё — межпрофессорские «нелюбки», склоки, пресловутый антисемитизм, политические пристрастия, «отчаянное положение России», личные качества, кто стал профессором, а кто нет, ибо ушёл его «начальник», всё, кроме истории идей и доказательств, что прежде всего образует предмет историографии! И домыслы, домыслы...

Так, конечно, нельзя писать! Я не утверждаю, что тут проявился какой-то злой умысел. Уважаемый автор вполне искренне считает, что нарисованная им картина верна, использованная метода корректна, а эта его статья вписывается в жанр и отвечает параметрам историографического исследования, пусть и названного «микроисториографическим этюдом». Взгляды и симпатии профессора Дюлы Свака хорошо известны. Это — действительно «нерусский русофил», как он сам себя называет, «которому совершенно чуждо желание поучать других». Поэтому, примем версию, что венгерские коллеги могли искренне заблуждаться, пойдя на поводу у распространённых и ныне ставших привычными псевдолиберальных клише. Тем настоятельнее нужно сказать об этом! К статье возможны претензии и источниковедческого плана (ибо непонятно, на каких фактических материалах она написана), и методологического, и, увы, нравственного — статья, пусть неволью для её автора, но определённо выпадает из общепринятого этического поля. Опубликованная в достойном издании *Questo Rossica*, она содержит искажённый взгляд на отечественную историографию в целом, на положение дел на Историческом факультете и кафедре Русской истории СПбГУ в особенности и на тот случай, в частности. Разумеется, меня всегда будут задевать как русофобские инвективы, так и неумные выступления противоположной направленности, но оценивал я прежде всего *научную сторону* рецензируемой диссертации, *доказательность её положений*. Нынешняя же статья Дюлы Свака, — я с сожалением вынужден это констатировать, — *не имеет научного содержания и значения...*

II.

Теперь перейду совсем к другому моменту, о котором хотел бы сегодня поговорить. Он далёк от предыдущего, когда говорить вынудило явное недоразумение.

Игорь Яковлевич до конца своих дней рассматривал свои научные разыскания как развивающееся в теоретической парадигме марксизма. Он не был догматиком и принадлежал к той блестящей плеяде советских обществоведов, которые, демонстрируя высокий уровень методологического сознания и научной честности, творчески соединяли свои нестандартные подходы и новации исследовательского поиска с основными принципами данной парадигмы. К примеру, в области философии это — Эвальд Васильевич Ильенков и Моисей Самойлович Каган, в области исторической науки — Арон Яковлевич Гуревич и Павел Васильевич Волобуев. Разумеется, можно ещё фамилии назвать, таких учёных было немало, и они получили по полной от партийной власти.

Историографическое направление, ярчайшим представителем которого в наши дни является Игорь Яковлевич, выросло на корню близкой интерпретации общественно-политического уклада древней Киево-Новгородской Руси. Его представители и прежде, и ныне далеко не всегда в методологическом плане были марксистами.

«Материалистическое понимание истории», составляющее ядро «марксистско-ленинской теории общественно-экономических формаций» и в течение целого ряда десятилетий бывшее в нашей стране обязательным, ныне крупными специалистами (отнюдь не умаляющими его действительных достоинств) именуется «скорее, наброском, изложением концептуального замысла, чем основательно разработанной теорией, проверенной, подтверждённой, конкретизированной специальными историческими исследованиями» [15, с. 32]. Вместе с тем стала бы ошибочной абсолютизация какого-либо одного из двух основных аспектов современного исторического анализа — т. н. «формационного» и т. н. «цивилизационного». Какая бы судьба в конечном счёте не ожидала деление общественных отношений на «первичные» и «вторичные», на «базис» и «надстройку», как бы не эволюционировало учение об общественных «формах» (возможное и вне контекста марксизма), и, в свою очередь, каким бы содержанием не наделялось понятие «цивилизации», оба названных эмпирически намеченных ракурса исторического анализа, обслуживая разные его задачи, должны быть востребованы наукой [28].

Методологические позиции историка должно определять убеждение в приоритете прав «источника и факта» над любыми теоретическими конструкциями [26, с. 11]. В этой связи позволю себе поддержать мнение и Людвиг фон Мизеса, согласно которому у науки истории есть собственное теоретическое «самосознание» [12, с. 223–226].

Я изучал социально-политическую эволюцию общества и государства Вечевого Новгорода [22; 18; 21], сделав девизом и методом своих исследований слова Сергея Фёдоровича Платонова: «междоусобия Новгорода открывают нам его внутреннюю организацию». [24, с. 52]

Многозначность темы новгородских усобиц под стать широте предмета исторической науки. Наука история — «это сумма всех возможных историй, всех подходов и точек зрения — прошлых, настоящих и будущих» [4, с. 128]¹, она охватывает *всю совокупность* социальных явлений минувшего. Я никогда не поддерживал попыток лишить исторические занятия глубокого интеллектуального смысла и свести их к «описанию» прошлого (в то время как «объяснение» объявлялось уделом социальной философии). Ошибочными кажутся мне и представления, ограничивающие историческое исследование реконструкцией только событийно-политической истории [18, с. 12–17]. Изучение истории предполагает наличие двух одинаково необходимых и взаимодополняющих точек зрения, говоря условно, — «истории событий» и «истории культуры». Политические события, необязательно самые значимые для той или иной эпохи, но непременно «титупные» и обладающие свойством сплестать разнопорядковые событийные ряды в единую повествовательную канву, находятся на переднем плане событийной истории. Общественные занятия, учреждения, верования, обычаи и нравы, идеи и искусства etc. традиционно составляют материал культурной истории. В практике исторических описаний и исследований обе точки зрения сосуществовали всегда. Прошлое невозможно описать только в терминах развития, как его невозможно описать только под углом зрения результатов. Самые «событийные» из историков минувших времен не могли ограничиться повествованием о «событиях» и позади глав политической истории помещали главы, посвященные «быту» или «состоянию»². Исстари

¹ Разумеется, «сумма» здесь — не простое арифметическое сложение, но предпосылка нового качества. В этом смысле любое обращение к прошлому с целью его научной реконструкции является задачей исторической науки.

² Например, см.: [9, с. 463–479; 30, с. 222–275].

ведется, что *при рассказе о прошлом «история событий» чередуется с «историей культуры»*. Смена событий образует процесс, культура в первую очередь поддается изучению как проявляющая себя в развитии, но сложившаяся целостность³.

Разумеется, сказанное нельзя абсолютизировать. Новейшая культурология в поисках философского определения культуры (таких определений на сегодняшний день — сотни) [33; 8, с. 10–18 и сл.], предпочитает избегать некогда весьма распространенные выражения — «совокупность результатов», «совокупный результат». Но, к какому бы итоговому выводу не пришли философы, культура как *историческая* категория, существуя практически столько же, сколько и сама наука история, предполагает свои особенности. Исследовательская традиция, основанная на «культурно-исторической точке зрения», богата и разнообразна, а ее достоинства очевидны. Достаточно вспомнить, что «как бы ни решался вопрос о влиянии личности на создание “событий”, “история культуры” вправе сделать то, чего не может сделать повествовательная история: оставить в стороне случайный, а отчасти и индивидуальный характер исторических “событий”» [13, с. 57].

Потребность в применении обоих взаимнеобходимых способов видения прошлого дала о себе знать и при изучении социально-политической истории средневекового Новгорода. С одной стороны, разработка темы требовала последовательного и непрерывного прослеживания линий социально-политической борьбы, сплетавшихся в единую событийную цепь, каждое звено которой — и большое, и малозаметное — тесно связано с предыдущим и важно для понимания явления в целом. С другой стороны, избранная тема требовала раскрытия и показа основных начал общинно-вечевого уклада, особенностей политической культуры и общественного сознания древних новгородцев.

Оставляя в стороне «случайный и индивидуальный характер событий», последний план исследования и позволил поставить вопрос о том, что строй древнерусских вечевых собраний свою первоначальную санкцию получил в рамках дохристианского сознания и нес на себе его отпечаток. Важнейший принцип русского средневекового права — неделимость верховной власти, нераздельность действий ее форм [29, с. 57–58, 60, 62; 5, с. 69, 78, 80, 200; 7, с. 88, 99–100, 102, 106, 109] восходит к «одиначеству» вечевого периода, предполагавшему как христианскую, так и языческую трактовку. Вечевое «одиначество» имело не только политический, но и религиозный смысл, который Христианство стремилось переработать в своем духе [19, с. 178–185].

Междоусобия Новгорода, «открывая нам его внутреннюю организацию», проливают свет и на традиционное сознание новгородцев, на борьбу Христианства и язычества в жизни русского вечевого города. В определённой и важной своей части история «новгородских усобиц» — есть история христианизации Новгорода. В данном отношении мои новгородские разыскания / исследование продолжили затронутую ещё Василием Пассеком [16, с. 1–2, 85, 90] *религиозно-нравственную тему новгородской истории*.

В истории средневекового Новгорода дает ясно себя угадать *нравственный прогресс, совершаемый в христианском духе*. Преодоление усобиц и совершенствование вечевого государственности не могли оставаться только политическим творчеством, они предполагали *морально-волевое* усилие новгородцев и *возрастание морального регулирования* сферы властных отношений. Коль скоро есть основания говорить о политическом прогрессе в Новгороде, об улучшении на протяжении XI — первой половины XV в. новгородского внутривластного уклада, мы должны непременно заключить и о состоявшемся в это время на берегах Волхова решении новгородцев в пользу «добра», ибо не существует неизбежного безморального прогресса, и прогресс всегда есть сознательный «выбор добра»⁴. Нравственные усилия, приводившие к политическому прогрессу в Новгороде, обуздывавшем свои языческие обычаи, не только летописцами истолковывались в христианском смысле, но действительно характеризовались христианскими акцентами. Поскольку эти нравственные усилия означали отрицание именно *языческих* порядков, постольку они требовали для себя четкой и надежной опоры, находимой в Христианстве. Проблема эволюции русской государственности (и шире — политической культуры) в связи с христианизацией Руси и в контексте ее религиозно-культурной истории слабо разработана в научной литературе. Но на нынешнем уровне развития науки она настоятельно требует исследовательского внимания.

³ О понятиях «процесс» и «структура» см.: [3, с. 117].

⁴ Так утверждает современная персоналистская философия, сглаживающая методологические крайности недавнего прошлого. См. напр.: [11, с. 85–86 и др.].

III.

Теперь несколько замечаний о феодализме в древнем Новгороде.

Как известно, Игорь Яковлевич опроверг господствовавшее в советской науке мнение о феодализме в домонгольской Руси. В самое последнее время возродилась старинная тенденция вообще отрицать наличие в русском средневековье феодальных отношений. Я считаю, что в данном случае мы имеем дело с явным перегибом.

Политическая эволюция Новгорода была эволюцией древнерусской городской общины, успешно изживавшей недостатки своей «дофеодальной демократии» (Ю.Г. Алексеев) со слабо выраженной дифференциацией правительственных функций и успешно приспособивавшейся к новым условиям, создаваемым процессом феодализации. В затронутом аспекте внутривнутриполитическое развитие не подтачивало жизненные силы республики, приближая ее к краху, но стабилизировало ситуацию на берегах Волхова. К московскому взятию вечевого Новгорода приближался, не исчерпав своего исторического потенциала. Роковой и последний удар ему был нанесен не изнутри, а извне. К началу XV в. в Новгородской земле сложился *особый тип* феодального государства, сохранявшего не одну только видимость вечевого народовластия.

Вместе с тем традиционное для отечественной историографии *последних десятилетий* понимание феодализма по-прежнему, на мой взгляд, остаётся наиболее удачным *в том смысле*, что трудно всё же представить себе *феодальные* отношения без крупного, прежде всего частного землевладения, без класса земельных собственников и зависимых от них крестьян. Нельзя любые средневековые отношения господства — подчинения интерпретировать как феодальные⁵. Являются принципиально верными наблюдения, согласно которым феодальное землевладение на Руси стало складываться сравнительно поздно [6, с. 42–43; 31, с. 292–294 и др.; 10, с. 32–47], и в Новгородской земле оно широко распространяется только к началу XV в. [1, с. 99; 2, с. 30].

Изучение социально-политической истории Новгорода XI — первой половины XV в. показывает, сколь видную роль играли в ней малые общины внутри городской общины Новгорода. Исследование «*союзного государства Великого Новгорода*» — федерации общин-концов позволяет предполагать особую роль этих общин и в процессе генезиса феодализма.

В современной историографии всё более укореняется идея, согласно которой одним из путей феодализации было преобразование власти в собственность, растянувшееся на долгое время. Применяя эту идею к историческим реалиям вечевого Новгорода, в первую очередь отметим, что в условиях древнерусского вечевого строя городская община занимала правящее положение в своей волости. Это положение не было раз и навсегда установленной системой. На протяжении XI–XV вв. данная система эволюционировала от политического верховенства города в земле в домонгольский период к его отчётливому привилегированному статусу в XV в., статусу, не исключавшему тех или иных противоречий с сельской округой и расхождений интересов между городской общиной и общинными структурами земли. По материалам XI–XV вв., в плане внутривнутриполитического развития Новгорода видно, как городская община развивалась от борьбы сторон и концов к их относительному политическому единству, достигнутому на основе нарастающей регламентации общегородского политического устройства. Изученные мною материалы показывают также и то, что территориальные боярские кланы консолидировались в общегородскую корпорацию постепенно, к XV в. В связи с этим позволительно предположить, что *изначально* и *фактический* контроль за новгородскими землями, по крайней мере известной их частью, принадлежал не князю, не боярской корпорации как «верховным собственникам» и даже не Новгородской общине как целому, а *отдельным малым общинам Новгорода* — сторонам, затем концам. Издревле бояре управляли определёнными территориями Новгородской земли *как в первую очередь представители своих малых общин*. В результате многовекового процесса, вполне проявившегося к рубежу XIV и XV вв., данные земли стали восприниматься и самими боярами, и рядовыми общинниками-новгородцами, и крестьянами-волошанами как *боярская* собственность.

Процессы генезиса феодализма начинаются, на мой взгляд, ещё в XI–XII вв., в недрах той социальной структуры, которую А.И. Неусыхин удачно назвал «*общинной без первобытности*». Эти процессы, *активизируясь в послемонгольское время*, к рубежу XIV и XV вв. приводят к победе феодального землевладения в Новгородской земле. Завершение процессов генезиса феодализма происходит уже в рамках феодальной общественной системы.

⁵ Полезно вспомнить эту мысль, высказанную в ходе одной из минувших дискуссий, важных для русской историографии [32].

Распространение феодальных отношений в Новгородской земле послужило одним из факторов стабилизации государства вечевое Новгорода к началу XV в.

На мой взгляд, намечаются объективные основания для сближения — в известных пределах, конечно, — различных концепций, существующих сегодня в отечественной историографии средневекового Новгорода. Если В.Л. Янин и его школа говорят о *боярской корпорации*, обладавшей к тому же правом «верховой собственности» на землю, а И.Я. Фроянов пишет о новгородском вече *вообще*, то мои исследования привлекают внимание к статусу и историческому значению *малой общины внутри Новгорода*, со всеми вытекающими отсюда следствиями.

IV.

Как Игорь Яковлевич понимал этническую природу «домонгольской» Руси?

Он её оценивал в рамках прошедшей проверку временем концепции «древнерусской народности» и решительно протестовал против «украинизации» древнерусской истории. Прежние свои монографии, посвящённые отдельным аспектам истории «домонгольской» Руси, он называл по формуле — «Киевская Русь: Очерки <...>» с указанием на конкретную область исследования. Но после того, как на Украине на полную катушку выплеснулось нездоровое извращённое национальное чувство и разыгралась русофобия, Игорь Яковлевич стал называть свои книги «Древняя Русь. ...». Он был не согласен с Петром Петровичем Толочко в оценке многих вопросов истории «домонгольской» Руси, но полностью поддерживал утверждение достойного киевского учёного, что Древняя Русь IX–XIII вв. была единой этнической, языковой, религиозной и культурной целостностью; «древнерусской народностью» — никто не предложил более уместного научного определения!

Имена «Русь» и «Россия» — полные синонимы. Это даже не разные имена, а две формы одного и того же имени. Последняя — греческая огласовка этнического самоназвания.

Сейчас совершенно отчётливо видится, что Россия как непрерывная этническая, ономастическая, религиозно-церковная и культурная, династическая и государственная традиция существует, как минимум, с X в., когда в середине этого столетия её описал Константин Багрянородный в своей книге «Об управлении империей». Тогда Россия располагалась в пределах Великой Русской равнины и была «ближней/внутренней» с центром в Киеве и «внешней/дальней» с центром в Новгороде. Константин описал её как субординацию «славиний» (племенных областей) во главе с Киевом. Потом она изменяла территорию, теряла и приобретала людей и земли, существенно менялась сама, но живёт до сих пор. За всю её бурную жизнь всего две династии у неё было, а с 1917 г. она объявила себя республикой.

«Учреждена» Россия была своего рода «многонационалией»: по-видимому, ещё в IX веке: «се буде мати градомъ Рускимъ», — сказал, по Повести временных лет, о Киеве князь Олег, и «бѣша у него Варязи и Словѣни, и прочи прозвашася Русью» [25, с. 10]. А соответствующий приведённому более древний текст, сохранённый Новгородской Первой летописью, уточняет: «оттолѣ», т.е. с того момента «прозвашася» [14, с. 107]. То есть не пришли сюда со своим именем, а здесь так «прозвались». А как ещё прозваться пришельцам с севера, явившимся строить государство? «Полянами», — замечательными, сравнительно с другими, «кроткими и тихими»? Но они же не поляне. (Это поляне потом, как жители Киева и округи, станут именоваться Русью: «яже ныне завома Русь»).

Округа Киевская и именно правый берег Днепра (см. Ипатьевскую летопись под 1172 г.) [27, стб. 556–560] будут долго ещё, в узком значении слова, считаться Русью, Русской землёю. Скорее всего, имя «Русь» — это старинный местный хороним, Бог знает, какого времени и происхождения, но осколок какой-то древнейшей географической номенклатуры, ведь и Чёрное море именовалось Русским, не по историческим же русским. Вот и прозвались «разношерстные» пришельцы с севера Русью.

Потом их всех отождествили с варягами. На то были свои причины [23; 21].

Киев и его округа всё «дотатарское» время продолжали восприниматься как центр Руси в широком значении этого термина, как всех славяно-русских земель. Но со второй половины XII в. всё явственней проявляются признаки смещения центра Руси в Суздальскую волость, во Владимир-на-Клязьме. После татарского нашествия процесс завершился, и митрополиты Киевские и вся Русь перенесли свою кафедру на Северо-Восток. Во второй половине XIV–XV в. в Волго-Окском междуречье складывается великорусская народность, с конца XV в. вобравшая в свою орбиту и на новгородско-псковский Северо-Запад. На рубеже XIV и XV вв. Древняя Русь возродилась и продолжилась в Великороссии и долго исчезала (умирала) на землях, позднее ставших Украиной и Белоруссией.

Остальные земли бывшей древней Киево-Новгородской Руси чуть ли не до рубежа XVI–XVII вв. оставались русскими в древнерусском смысле, там долго сохранялось то, что мы именуем «древнерусской народностью». Но длительное существование в составе других государств сделало своё дело: к рубежу XVI и XVII вв. осознали себя как особые этнические общности теперешние белорусы и украинцы. Они тоже потомки и наследники древней Киево-Новгородской Руси, но национальные имя, государственность, династию, эпос, в значительной мере древнерусскую культуру сохранила только Великороссия. Былины Киевского цикла записывались только в великорусских областях, даже в недавно освоенных (Самарской), но никогда на Украине или в Белоруссии...

Творческое наследие Игоря Яковлевича Фроянова есть наследие большого Учёного, сделавшего ясными многие вопросы, как конкретно-исторического плана, так и методологического. Ни одно его произведение не оставляет равнодушным. Каждый его текст — от капитальной монографии или курса лекций до статьи, заметки или интервью — будоражит мысль, рождает желание думать, сомневаться и творить!

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев Ю. Г.* Под знаменами Москвы: Борьба за единство Руси. М.: Мысль, 1992. 71 с.
2. *Андреев В. Ф.* О генезисе феодальных отношений в Новгородской земле // Вестник Новгородского гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 1995. № 2. С. 25–30.
3. *Барз М. А.* Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984. 342 с.
4. *Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории/ Общая ред. И.С. Кона. М.: Прогресс, 1977. С. 115–142.
5. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Ростов-н/Д.: Феникс, 1995. 640 с.
6. *Данилова Л. В.* Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М.: Наука, 1968. С. 27–66.
7. *Ермошин В. В., Ефремова Н. Н., Исаев И. А., Карпец В. И.* и др. Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. М.: Наука, 1986. 288 с.
8. *Каган М. С.* Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996. 416 с.
9. *Карамзин Н. М.* История государства Российского: в 12 т. Т. 2-3. М.: Наука, 1991. 832 с.
10. *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России. М.: Мысль, 1985. 279 с.
11. *Козловски П.* Прощание с марксизмом-ленинизмом: Очерки персоналистской философии. СПб.: Экономическая школа, 1997. 216 с.
12. *Мизес Л.* Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 295 с.
13. *Миллюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры: в 3 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1993. 528 с.
14. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1950. 642 с.
15. *Ойзерман Т. И.* Материалистическое понимание истории: плюсы и минусы // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 3–33.
16. *Пассек В. В.* Новгород сам в себе // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском имп. ун-те. М., 1869. Октябрь–декабрь. Кн. 4. С. 1–90.
17. *Петров А. В.* Вечевой Новгород — город св. Александра Невского как феномен русской истории // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2020. № 1 (12). С. 30–45.
18. *Петров А. В.* О двух ракурсах изучения истории // Мавродинские чтения: материалы конференции / под ред. Ю. В. Кривошеева, М. В. Ходякова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 12–17.
19. *Петров А. В.* Православие, «одиначество», самодержавие (к вопросу об исторических основаниях русской политической культуры) // Христианское чтение. 2017. Вып. 6. С. 178–185.
20. *Петров А. В.* Social and political evolution of Novgorod the Great in the veche period // Вестник С.-Петербург. ун-та. Сер. 2: История. 2016. Вып. 4. С. 44–57.
21. *Петров А. В.* Владимир Святославич и его сыновья в контексте норманнского вопроса // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 3: Материалы науч. конф. «Равноапостольный князь Владимир и формирование русской цивилизации». Санкт-Петербург, 23–24 сентября 2015 г. / под ред. К.А. Костромина. СПб.: Изд-во С.-Петерб. Духовной Академии, 2015. С. 8–30.
22. *Петров А. В.* От язычества к Святой Руси. Новгородские усьобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада) СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. 352 с.
23. *Петров А. В.* Ярослав Мудрый и варяги // Мавродинские чтения 2008. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения: материалы Всерос. конф., посв. 100-летию со дня рожд. проф. В. В. Мавродина / под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. С. 66–71.

24. Платонов С. Ф. Великий Новгород до его подчинения Москве в 1478 году и после подчинения до Ништадского мира 1721 г. // Петров А. В. С.Ф. Платонов о новгородском вече // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. Альманах, вып. 5: К 80-летию проф. Игоря Яковлевича Фроянова / под ред. д.и.н., проф. А. В. Петрова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. Духовной Академии, 2016. Приложение 1.
25. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1: Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1846. 285 с.
26. Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. М.: Богородский печатник, 1997. 496 с.
27. ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. 573 с.
28. Рейснер Л. И. Историческое общество как единство формационного и цивилизационного начал // Цивилизации. Вып. 1 / отв. ред. М. А. Барг. М.: Наука, 1992. С. 49–67.
29. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1894. 382 с.
30. Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 15 кн. Кн. I. Т. 1–2. М.: Соцэкзит, 1959. С. 222–275.
31. Фроянов И. Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 372 с.
32. Шапуро А. Л. О природе феодальной собственности на землю // Вопросы истории. 1969. № 12. С. 57–72.
33. Kroeber A. L., Clackhohn C. Culture. A Critical Review of Concepts and Definitions. Cambridge (Mass.), 1952. 452 p.

Поступила в редакцию 30.07.2021

Петров Алексей Владимирович, профессор
 Санкт-Петербургская Духовная Академия
 191167, Россия, г. Санкт-Петербург, набережная Обводного Канала, 17
 E-mail: a.v.petrov@mail.ru

A.V. Petrov

ON SOME METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE SCIENCE OF RUSSIAN ANTIQUITY

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-1-23-32

The article touches upon important methodological aspects of ancient Russian studies and evaluates some of the newest works that identify themselves as historiography. The memorial nature of the convolute that includes this article gives it partly the character of a scientific essay. But the analyzed "historiographic" text, in turn, regardless of the will of the author of the article, inclined him to "individual intonation".

Keywords: historiography, Ancient Rus', I.Ya. Froyanov, Dula Svak.

REFERENCES

1. Alekseyev Yu. G. Pod znamenami Moskvy: Bor'ba za yedinstvo Rusi [Under the banners of Moscow: The struggle for the unity of Russia]. Moscow, Mysl' Publ, 1992, 71 p. (In Russian).
2. Andreyev V. F. O genezise feodal'nykh otnosheniy v Novgorodskoy zemle [On the genesis of feudal relations in the Novgorod land] // Vestnik Novgorodskogo gos. un-ta [Bulletin of the Novgorod state university]. Ser.: Gumanitarnyye nauki, 1995, no 2, pp. 25–30. (In Russian).
3. Barg M. A. Kategorii i metody istoricheskoy nauki [Categories and methods of historical science]. Moscow, Nauka Publ., 1984, 342 p. (In Russian).
4. Brodel' F. Istoriya i obshchestvennyye nauki. Istoricheskaya dlitel'nost' [History and social sciences. Historical duration] // Filosofiya i metodologiya istorii [Philosophy and methodology of history]. Ed. I. S. Kon. Moscow, Progress Publ., 1977, pp. 115–142. (In Russian).
5. Vladimirovskiy-Budanov M. F. Obzor istorii russkogo prava [Overview of the history of Russian law]. Rostov on Don, Feniks Publ., 1995, 640 p. (In Russian).
6. Danilova L. V. Diskussionnyye problemy teorii dokapitalisticheskikh obshchestv [Debatable problems of the theory of pre-capitalist societies]. Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv [Problems of the history of pre-capitalist societies]. B. 1. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 27–66. (In Russian).
7. Yermoshin V. V., Yefremova N. N., Isayev I. A., Karpets V. I. i dr. Razvitiye russkogo prava v XV — pervoy polovine XVII v. [The development of Russian law in the XV — the first half of the XVII century.]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 288 p. (In Russian).
8. Kagan M. S. Filosofiya kultury [Philosophy of culture]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1996, 416 p. (In Russian).

9. *Karamzin N. M.* Istoriya gosudarstva Rossiyskogo: v 12 t. [History of the Russian state: in 12 vol.], v. 2–3. Moscow, Nauka Publ., 1991, 832 p. (In Russian).
10. *Kobrin V. B.* Vlast' i sobstvennost' v srednevekovoy Rossii [Power and property in medieval Russia]. Moscow, Mysl', 1985. 279 s. (In Russian).
11. *Kozlovski P.* Proshchaniye s marksizmom-leninizmom: Ocherki personalistskoy filosofii [Farewell to Marxism-Leninism: Essays on Personalist Philosophy]. St. Petersburg, Ekonomicheskaya shkola Publ., 1997, 216 p.
12. *Mizes L.* Teoriya i istoriya: Interpretatsiya sotsial'no-ekonomicheskoy evolyutsii [Theory and history: Interpretation of socio-economic evolution]. Moscow, YUNITI-DANA Publ., 2001, 295 p. (In Russian).
13. *Milyukov P. N.* Ocherki po istorii russkoy kul'tury: v 3 t. [Essays on the history of Russian culture: in 3 vol.], vol. 1. Moscow, Progress Publ., 1993, 528 p. (In Russian).
14. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshogo izvodov* [Novgorod First Chronicle of the Senior and Junior Editions]. Moscow, Leningrad, Akad. Nauk SSSR Press, 1950, 642 p. (In Russian).
15. *Oyzerman T. I.* Materialisticheskoye ponimaniye istorii: plyusy i minusy [Materialistic understanding of history: pluses and minuses]. Voprosy filosofii [Questions of Philosophy], 2001, no. 2, pp. 3–33. (In Russian).
16. *Passek V. V.* Novgorod sam v sebe [Novgorod in itself]. Chteniya v obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom imp. un-te [Readings in the society of Russian history and antiquities]. Moscow, 1869, oktyabr'-dekabr', b. 4, pp. 1–90. (In Russian).
17. *Petrov A. V.* Vechevoy Novgorod — gorod sv. Aleksandra Nevskogo kak fenomen russkoy istorii [Vechevoy Novgorod — the city of St. Alexander Nevsky as a Phenomenon of Russian History]. Paleorosiya: Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh [Paleorosiya. Ancient Russia: in time, in personalities, in ideas], 2020, no. 1 (12), pp. 30–45. (In Russian).
18. *Petrov A. V.* O dvukh rakursakh izucheniya istorii [On two perspectives of the study of history]. Mavrodinskiye chteniya: Materialy konferentsii [Mavrodinsky Readings: Proceedings of the Conference]. Ed. Yu. V. Krivosheeva, M. V. Khodyakova. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2002, pp. 12–17.
19. *Petrov A. V.* Pravoslaviye, «odinachestvo», samodержaviye (k voprosu ob istoricheskikh osnovaniyakh russkoy politicheskoy kul'tury) [Orthodoxy, “loneliness”, autocracy (on the question of the historical foundations of Russian political culture)]. Khristianskoye chteniye [Christian reading], 2017, issue. 6, pp. 178–185. (In Russian).
20. *Petrov A. V.* Social and political evolution of Novgorod the Great in the veche period [Social and political evolution of Novgorod the Great in the veche period]. Vestnik S.-Peterb. un-ta [Bulletin of St. Petersburg university]. Ser. 2: Istoriya. 2016, issue 4, pp. 44–57. (In Russian).
21. *Petrov A. V.* Vladimir Svyatoslavich i yego synov'ya v kontekste normanskogo voprosa [Vladimir Svyatoslavich and his sons in the context of the Norman question]. Drevnyaya Rus': vo vreme-ni, v lichnostyakh, v ideyakh [Ancient Russia: in time, in personalities, in ideas]. Al'manakh. Issue. 3: Proceedings of the Conference "The Equal-to-the-Apostles Prince Vladimir and the Formation of Russian Civilization". St. Petersburg, September 23–24, 2015. Ed. K. A. Kostromin. St. Petersburg, St. Petersburg Spiritual Academy Press, 2015, pp. 8–30. (In Russian).
22. *Petrov A. V.* Ot yazychestva k Svyatoy Rusi. Novgorodskiy usobitsy (k izucheniyu drevnerusskogo vechevogo uklada) [From paganism to Holy Russia. Novgorod strife (on the study of the ancient Russian veche way of life)]. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2003, 352 p. (In Russian).
23. *Petrov A. V.* Yaroslav Mudryy i varyagi [Yaroslav the Wise and the Varangians]. Mavrodinskiye chteniya 2008. Peterburgskaya istoricheskaya shkola i rossiyskaya istoricheskaya nauka: diskussionnyye voprosy istorii, istoriografii, istochnikovedeniya: materia-ly Vseros. konf., posv. 100-letiyu so dnya rozhd. prof. V. V. Mavrodina [Mavrodinsky Readings 2008. St. Petersburg Historical School and Russian Historical Science: Debatable Issues of History, Historiography, Source Studies]. Ed. A. Yu. Dvornichenko. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2009, pp. 66–71. (In Russian).
24. *Platonov S. F.* Velikiy Novgorod do yego podchineniya Moskve v 1478 godu i posle podchineniya do Nishtadskogo mira 1721 g. [Veliky Novgorod before its submission to Moscow in 1478 and after its submission to the Peace of Nishtad in 1721]. *Petrov A. V.* S. F. Platonov o novgorodskom veche [S. F. Platonov about the Novgorod veche]. Drevnyaya Rus' vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh. Al'manakh, vyp. 5: K 80-letiyu prof. Igorya Yakovlevicha Froyanova. [Ancient Russia in time, in personalities, in ideas. Almanac, vol. 5: To the 80th anniversary of prof. Igor Yakovlevich Froyanov]. Ed. A. V. Petrov. St. Petersburg, St. Petersburg. Theological Academy Press, 2016, Appendix 1. (In Russian).
25. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey (PSRL)* [Complete collection of Russian chronicles], vol. 1: Lavrent'yevskaya i Troitskaya letopisi. St. Petersburg, Eduard Prats Publ., 1846, 285 p. (In Old Russian).
26. *Presnyakov A. Ye.* Obrazovaniye Velikorusskogo gosudarstva [Formation of the Great Russian state]. Moscow, Bogorodskiy pechatnik Publ., 1997, 496 p. (In Russian).
27. PSRL. T. 2: Ipat'yevskaya letopis'. St. Petersburg, M. A. Aleksandrov Publ., 1908, 573 p. (In Old Russian).
28. *Reysner L. I.* Istoricheskoye obshchestvo kak yedinstvo formatsionnogo i tsivilizatsionnogo nachal [Historical society as a unity of formational and civilizational principles]. Tsivilizatsii [Civilizations], issue. 1. Ed. M. A. Barg. Moscow, Nauka Publ., 1992, pp. 49–67. (In Russian).

29. *Sergeyevich V. I.* Lektsii i issledovaniya po drevney istorii russkogo prava [Lectures and research on the ancient history of Russian law]. St. Petersburg, I. N. Skorokhodov Publ., 1894, 382 p. (In Russian).
30. *Solov'yev S. M.* Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen: v 15 kn [History of Russia since ancient times: in 15 books.]. B. 1, vol. 1–2. Moscow, Sotseklit Publ., 1959, 650 p. (In Russian).
31. *Froyanov I. Ya.* Kiyevskaya Rus': Glavnyye cherty sotsial'no-ekonomicheskogo stroya [Kievan Rus: The main features of the socio-economic system]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1999, 372 p. (In Russian).
32. *Shapiro A. L.* O prirode feodal'noy sobstvennosti na zemlyu [On the nature of feudal land ownership] // Voprosy istorii [Questions of history], 1969, no. 12, pp. 57–72. (In Russian).
33. *Kroeber A. L., Clackhohn C.* Culture. A Critical Review of Concepts and Definitions. Cambridge (Mass.). 1952. 452 p.

Received 30.07.2021

Petrov A.V., Professor
Saint Petersburg Theological Academy
Embankment of the Obvodny Canal, 17, Saint Petersburg, Russia, 191167
E-mail: a.v.petrov@mail.ru